

ЧЕМ дальше будут уходить в прошлое события военных лет, тем чаще на сцене и на экране, в военных спектаклях и фильмах будут появляться актеры, которые в глаза не видели войны, никогда не слышали разрывов фашистских авиабомб. И даже на свет тогда еще не народились. Но живет в памяти народной уважение к подвигу отцов, и ощущать, выразить то, что испытывали люди на войне, молодые актеры умеют так, будто это они сами отправлялись в разведку, сражались на Волге и на Днепре, входили в поверженные Берлин. Сколько бы раз мы на повторы про себя, что чудо перевоплощения, чудо сопереживания, собственно, ведь и составляет величайшую, извечную силу искусства, встает каждый раз, когда будет потрясать нас заново.

Подобное чувство я испытал на премьере спектакля «А зори здесь тихие...» поставленного в Москов-

ском театре драмы в комедии на Татанке по одноименной повести Бориса Васильева.

...Перед зрителями была почти пустая сценическая площадка, затянута потемневшими от пыли и дождевых потёков зеленоватым брезентом. Точь-в-точь таким же на фронте обычно зашивали кузова автомашин. И сама эта повзвизгивающая фронтовая полторка была тут, вернее — ее кузов. По воле постановщика Ю. Любимова и художника Д. Боровского кузов изображал то фронтную машину, петляющую по разбитым военным дорогам, то скрюченную фронтовой бабкой. Потом фантазия режиссера превратила полторку в пожарный сарай, отведенный девушками-зенитчицами под жилье. А затем у нас на глазах борта полторки разобрали на доски, расставили их по

своих зрителей эмоционально.

Но вернемся к повести Бориса Васильева. Ее сюжет развивается напряженно, и в этом смысле она, конечно, представляет собой хороший материал для постановки. Драматизм нарастает от эпизода к эпизоду. А в то же время многие странички повести скрываются лутковым юмором, подкашивающим необычайностью, неожиданностью ситуаций: на глухой участок фронта в распоряжение старшины Федота Васкова, охраняющего какой-то малозначительный военный объект, прибывают девушки-зенитчицы. И сразу же кончается спокойная служба старшины. Нелегко ему командовать шумными, задирскими, острыми на язык девушками, которые тутчас берут «на замкнуту» все маленькие душевные слабости старшины. А потом микрий

ая Осянина (арт. З. Славина), которая, потеряв в войне мужа, «жжжж, затягивая ремнем. На самую последнюю дырочку затягивая», Жена Комелькова (арт. Н. Шацкая), у которой тоже был свой личный счет — финансисты расстреляли ее родных, но, скрывая, подавляя скорбь, она осталась общительной и озорной девчонкой; пылкая фантазерка Галя Четвертак (арт. Т. Мухомова); мечтательная Лиза Брыкина (арт. М. Полищевская) или же серьезная, внутренне сосредоточенная Соня Гуркина (арт. З. Пыльнова). Каждый из этих девушек входит в спектакль со своей личностной темой, найдет честно исполняет свой долг и по-своему встречает смерть, потому что и на войне каждый вел свою жизнь, и каждый — по-своему. Но всякий раз снова закинута ослепительная, открытость и ясность другой, упловатость, ребячество, нежность, третья безобразно будут удаваться возмущенный строй их души, ярчайшая красота, незаурядное мужество, готовность к подвигу и, конечно же, страстное желание жить долго, очень долго.

Однако война есть война, у нее свои неумолимые, жестокие законы.

Когда умерла первая из павших — Лиза Брыкина, которая прожила отмеренные ей судьбой девятнадцать лет, и ожидала ослепительного, счастливого завтрашнего дня, а погибла в трагическом, — прожектор долго высветывал вскинутые в трагическом жесте руки, руки, молящие о спасении, о счастье, о жизни.

И все-таки слабым злчм девушкам в неужелюбных нервных смотах оказалось под силу выполнять боевую задачу и вместе с Васковым не пропустить ни одного морского-Балтийскому навалу вооруженных до зубов врагов. Да и двоих, как думалось им вначале, а шестнадцать.

Дорогой ценой досталась победа старшине Васкову. Ему одному пришлось заканчивать бой с противником. Но еще ранее он выиграл его.

К горькому чувству потери, с которым некогда невозможно примириться, присоединяется чувство гордости, благодарности, безмерного восхищения подвигом. И это смягчает трагичность финала.

Уже после спектакля, еще раз перебирая в памяти все его подробности, я подумал о той особой строгой и торжественной атмосфере, которая устанавливается в театре, как бы на мгновение об ответственности юных перед памятью павших. И Вечный огонь, зажженный в фойе театра в старых сраженных гильзах, — это тоже дана признательности тем, кто, добившись победы, не дожил. Не дожил и, как мне кажется, неспрогнозированной в приключении понимания слова. Это скорее драматизация литературного произведения. Однако если некоторые прежние спектакли сближались с театром поэты, театром чтеца и актер-чтец начинал играть на сцене все более значимую роль, то на этот раз режиссер и актер обрелись прежде всего и психологической разработкой характеров, и это театру удалось.

Б. ГАЛАНОВ

ПОБЕДА СТАРШИНЫ ВАСКОВА

сцене, подцветали желтоватым светом, и мы ощутили в угрюмой лесной чаще, где только что высидели еле живой паранюк, встали в стальных касках, выставив перед собой автоматы, будут бесцельно возникать из туманной мглы и во мгле же растворяться.

Вспомню, какое сильное впечатление произвела на меня повесть Бориса Васильева, когда я впервые прочитал ее на страницах журнала «Юность». Сейчас книга начинает свою вторую жизнь — в театре. Прислушаюсь к ее экранной жизни. Заранее допускаю, что со всей достоверностью, на какую способен кинематограф, на экране во всю его ширь представит и пейзажи заледеневшего берега, и спящий на натуре бескрайний озерный плес, и ржава потемневшая болотистая топь. Но разве лишние внешние эффекты, ярлычки скупые, условные декорации, которые Ю. Любимов нашел для своей постановки, не задевают душу? Вместо традиционного зрелища нас приглашают в зрительный зал тревожный ситил сирены — и не в зал, простите, а на зенитную позицию. И вот мы уже начали жить в драматическом ритме этого спектакля. А когда кузов все той же полторки превратился в зенитную батарею, когда по темному залу, тревожно перекреплялись, скользнули лучи прожекторов, наддувала вражеские самолеты, и внезапно, один раз и другой, выключился последний свет, — мы испытали такое чувство, словно нас ослепили бомбовые удары.

Что это? Счастливая находка режиссера? Конечно, счастливая, потому что обладает властью театральной выразительности, так же как счастливая находка в кино должна обладать повторимой властью выразительности кинематографической. Талант Любимова-режиссера в том как раз и заключается, что острое чувство сцены помогает ему при внешне простых и знакомых средствах заражать

до той поры уголок фронта становится одной из горячих точек войны. Поблизости выскакивает немецкий десант. Еще раз зенитчицы беззаботно загорали на казенном брезенте, болтали, шутили. А сегодня не медли, старшина. Подбери из двадцати девушек пятерку в поисковую группу, иди с с честью исполни не легкой солдатский долг.

Но теперь, в разгар опасной этой переделки, выяснилось, что сдержанный и неулыбчивый старшина, который донимает девушек парабайскими инструкциями и уставом и которого в свою очередь они считали сухим и ограниченным, на самом деле оказался не только бесстрашным, расчетливым командиром, чей воинский опыт и авторитет непререкаемы, но чутким, отзывчивым, заботливым и, употребив более редкое слово, деликатным человеком. Характер старшины Федота Васкова у Васильева написан очень точно. Васков — душа этой маленькой повести. И спектакль на Татанке — тоже. Какую он провел смертельную позицию с врагами — сбился с пути, закружился, обшел, переключился, «переиграл». Как умело салюты павших, еще совсем необстрелянных смешливых девчат в маленькое воинское подразделение. Артист В. Шаповалов играет роль Васкова строго, аккуратно, с огромным накалом чувства, всецело захваченный подвигом своего героя. Тут нет того печально-го разрыва, который, увы, нередко образуется между сценой и зрительным залом, когда актеры на сцене, подчиняясь воле автора, нередко атакуют зрителя, что герой пьесы — на редкость славный малый, зрители же недоуменно пожимают плечами, не испытывая ни малейшей симпатии к картонным персонажам. В Театре на Татанке актеры и зрители единоклассны в своих переживаниях.

И пять девушек-характеров по мере развития действия будут обнаруживать и нам ковыли и юных своими глазами: Ры-

ТЕАТР на Татанке давно заключил тесный союз с литературой. Мне доводилось как-то писать, что здесь дана сборника стихов, строчка за строчкой, умеют играть, как настоящие драмы. Новый спектакль театра тоже, пожалуй, не называет ни спешков и в приключении понимания слова. Это скорее драматизация литературного произведения. Однако если некоторые прежние спектакли сближались с театром поэты, театром чтеца и актер-чтец начинал играть на сцене все более значимую роль, то на этот раз режиссер и актер обрелись прежде всего и психологической разработкой характеров, и это театру удалось.